

На правах рукописи

Текенова Ульяна Николаевна

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА
В ПРОЗЕ ДИБАША КАИНЧИНА**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(алтайская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Горно-Алтайск – 2008

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа выполнена на кафедре алтайского языка и литературы Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Горно-Алтайский государственный университет»
Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Киндикова Нина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Галимуллин Фоат Галимуллович

кандидат филологических наук
Кукушкин Равиль Файзрахманович

Ведущая организация: Институт алтаистики имени С.С. Суразакова

Защита состоится 25 сентября 2008 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 в Казанском государственном университете им.В.И.Ульянова–Ленина по адресу: 420008, г.Казань, ул.Кремлевская, 18, ауд. 1112

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета им.В.И.Ульянова–Ленина.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2008г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Ш. Юсупова

Актуальность темы диссертации обусловлена необходимостью представить целостную картину мира в алтайской прозе второй половины XX – начала XXI веков, которая продиктована демократическими переменами в современном обществе, требующими переосмысления наследия национальных литератур России.

Характерным свидетельством тому стало новое освещение алтайскими писателями действительности, что в конечном итоге привело к возникновению в литературе тем, в которых проявляется интерес к национальным традициям, фольклору и историческим корням народов.

Изменения сложившейся картины мира в алтайской литературе, прежде всего, проявились в произведениях с ярко выраженной национальной проблематикой, как «закономерность исторического пути любого народа, эволюции исторического и национального самосознания этносов – на определенном отрезке времени и пространстве оглянуться на свое прошлое, осмыслить судьбу родного этноса в контексте истории человеческой цивилизации»¹.

Наиболее полно национальная ментальность, этно-эстетические взгляды и мировоззренческая природа алтайцев выражены в творчестве известного алтайского писателя Дибаша (Семена) Беруковича Каинчина (1938). Его проза представляет одну из самых ярких страниц современной литературы Горного Алтая. Исследования от частного к общему делает возможным рассмотрение национальной картины мира в прозе Дибаша Каинчина как в контексте национальной литературы в целом, так и в его частном бытовании. Несмотря на жанрово-стилевое богатство и своеобразную поэтику творчества писателя, отмечается, что художественный мир и глубокая внутренняя связь его произведений с народной культурой, историей и мировоззрением остались не изученными.

Объектом исследования выступает национальная картина мира в прозе Народного писателя Республики Алтай Д.Б. Каинчина.

Предметом исследования стали эпические произведения Д.Б. Каинчина: рассказы, повести, роман и его переводы на русский язык собственных произведений.

Целью данной работы является исследование алтайской художественной картины мира, выявления национальных традиций на различных этапах творческой эволюции прозы Дибаша Каинчина. Рассмотрение их в системном единстве позволяет решать поставленные цели и задачи в различных проявлениях, текстах, жанрах, что обеспечит достоверность полученных результатов.

¹ Палкина Р.А. Д.Б. Каинчин / История алтайской литературы: Литературные портреты: Кн. 2.-Горно-Алтайск,-2004.-С.415.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- определение тематики и проблематики, выявление новых жанровых форм в прозе Д. Каинчина;
- изучение поэтики произведений Д. Каинчина на тематическом, проблемном и жанровом уровнях;
- исследование национальных традиций в творчестве прозаика, отслеживание возросшей роли психологизма, философского постижения темы, индивидуальных форм выражения идей в рассказах писателя;
- выявление особенностей языка и стиля прозаических произведений Д. Каинчина;
- взаимосвязи с другими литературами.

Изученность проблемы и темы. В научных трудах и литературно-критических статьях Н.А. Баскакова², С.С. Суразакова³, С.М. Каташева⁴, С.С. Каташа⁵, Г.В. Кондакова⁶, В.И. Чичинова⁷, З.С. Казагачевой⁸, Р.А. Палкиной⁹, Н.М. Киндиковой¹⁰ и других

² Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература/Н.А. Баскаков. – Горно-Алтайск, 1948.

³ Суразаков С.С. Алтай фольклор/С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1975; Суразаков С.С. Героический эпос/С.С. Суразаков. – М., 1985; Суразаков С.С. Алтай литература/С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1962, 1995. – 206 с.; Суразаков С.С. Из глубины веков/С.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1982.-144с.; Суразаков С.С. Мысли об эпосе, о литературе/С.С. Суразаков//Сын вечного Алтая. Сб.ст. – Горно-Алтайск, 1990.-С.239.

⁴ Каташев С.М. О некоторых проблемах алтайского литературоведения/С.М. Каташев//Актуальные вопросы современной алтайской литературы. – Горно-Алтайск, - 1970.-С.13.

⁵ Каташ С.С. Мифы и легенды Горного Алтая/С.С. Каташ.-Горно-Алтайск, - 1978.-112 с.; Каташ С.С. Лик Алтая. Литература. История. Культура/С.С. Каташ. – Горно-Алтайск, - 2001.; Каташ С.С. Литературные портреты/С.С. Каташ.-Горно-Алтайск, - 1971.-154с.; Каташ С.С. Фольклор в произведениях алтайских писателей/С.С. Каташ//Алтайский фольклор и литература.-Горно-Алтайск, - 1982.; Каташ С.С. Мудрость всегда современна/С.С. Каташ//Статьи об алтайском фольклоре.-Горно-Алтайск, - 1984.-128с.

Каташ С.С., Чичинов В.И. Путь молодой литературы/С.С. Каташ, В.И. Чичинов.-Горно-Алтайск, - 1973.-112с.

⁶ Кондаков Г.В. Духовное согласие/Г.В. Кондаков.-Горно-Алтайск, - 1983.-200с.; Кондаков Г.В. Магнитное поле поэта/Г.В. Кондаков.-Барнаул, - 1976.-152с.; Кондаков Г.В. Связь времен/Г.В. Кондаков.-Горно-Алтайск, - 1979.-128с.

⁷ Чичинов В.И. Путь молодой литературы/В.И. Чичинов, С.С. Каташ.-Горно-Алтайск, - 1973.-112с.

сформировались серьезные и продуктивные основания для постановки проблем изучения национальных традиций в алтайской литературе.

В «Истории алтайской литературы», представленной в двух книгах¹¹, а также в статьях исследователей приведены высказывания и обобщения теоретического или критического характера, касающиеся развития национальных литератур и алтайской литературы, в частности.

В контексте осмысления поставленных проблем в национальной картине мира прозы Д. Каинчина нами рассмотрены труды и литературно-критические статьи сибирских и алтайских исследователей, которые сыграли определенную роль в формировании интереса к прозе писателя.

Наибольший интерес представляет сборник статей «Мастер художественного слова»¹², который включает в себя статьи ведущих исследователей национальных литератур Сибири и Горного Алтая с оценкой творческого наследия прозаика. В нем представлены рецензии и отзывы, в которых кратко излагаются жизненный и творческий путь писателя.

Литературно-критические статьи исследователей убеждают в многообразии способов и методов, к которым прибегает прозаик в конкретной обработке литературного материала. К ним относятся использование национальных традиций, обычаев и обрядов, фольклора в сугубо повествовательных целях, в связи с развитием сюжета, характеристикой образов, передачей художественных особенностей языка, стиля, речи персонажей. Отмечается успешное сочетание мифов и преданий алтайцев с историческими событиями, которое является одним из интересных и привлекательных сторон его прозы. Автор как бы напоминает читателям помнить и не забывать народную мудрость, являющуюся основой жизненных устоев коренного народа Алтая.

Исследователями дается развернутая характеристика его некоторым рассказам и повестям. Одним из «своеобразных черт поэтики алтайского прозаика» Р. Палкина считает

⁸ Казагачева З.В. зарождение алтайской литературы/З.С. Казагачева.-Горно-Алтайск, - 1972.-142с.

⁹ Палкина Р.А. Горизонты алтайской литературы/Р.А. Палкина//Актуальные проблемы современной алтайской литературы.-Горно-Алтайск, - 1995.-С.3-16.

¹⁰ Киндикова Н.М. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири / Н.М. Киндикова. - Горно-Алтайск.-2001.- 203с.

¹¹ История алтайской литературы: в 2-х книгах.-Горно-Алтайск.-2004.

¹² Мастер художественного слова. Статьи о творчестве Д.Б. Каинчина/ Киндикова Н.М., Шокшиланова А.С. - Горно-Алтайск,-2002.- 159с.

«наличие одних и тех же героев в некоторых рассказах и названиях сборников, подчеркивающие органичную слитность автора с изображенным миром»¹³.

Очевидным становится то, что в произведениях Д. Каинчина определилась существенная основа внутреннего времени и пространства мира его произведений. И это становится базой для создания специфической, художественной формы и соответствующей поэтической системы, являясь свидетельством возрастающего интереса к научной проблеме национальные традиции в творчестве писателя.

Специфика и особенности переводов произведений самим автором и другими переводчиками вызывают повышенный интерес со стороны критиков.

Обзор литературоведческих работ свидетельствует о том, что специфика национальной картины мира, проблема национальные традиции в алтайской литературе недостаточно раскрыты. Настоящая работа позволит более определенно говорить о роли писателя в истории алтайской литературы. Этим существенным обстоятельством определяется актуальность и научная значимость исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что данная работа представляет собой первый опыт целостного исследования творчества алтайского писателя Д.Б. Каинчина и является первым исследованием национальной картины мира и анализа жанрово-стилевого своеобразия его прозы. Диссертантом предпринята попытка рассмотрения закономерностей творческого освоения национальных художественных традиций и фольклора в прозе Д.Б. Каинчина. Определены этнокультурные и этнофилософские направления художественного мышления писателя. В работе нами выявлены особенности выражения авторской позиции, социально-общественные, философские и эстетические основы творческого метода писателя. Рассмотрены проблемы духовности в алтайской литературе. При этом выбран наиболее характерный для его творчества аспект – концепция нравственности в сложном и многогранном комплексе факторов исторического развития.

Определяющей *методологической основой* в изучении поставленной проблемы и литературного материала является сочетание историко-литературного подхода с методами сравнительно-типологического, историко-генетического, художественно-эстетического принципов проблемного анализа.

Теоретической основой диссертации явились труды литературоведов, теоретиков и историков литературы, в частности В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, Г.Н. Поспелова, М.Б. Храпченко, М.М. Бахтина и других, а также опыт известных литературоведов, внесших значительный вклад в исследование проблемы «национальная традиция»: А.Н.

Афанасьева, Ф.И. Буслаева, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, О.М. Фрейденберг, К.В. Чистова, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачева, В.Е. Хализева, Б.Г. Резцова, И.П. Смирнова, Ч.Г. Гусейнова, К.Ф. Антошина, Л.П. Якимовой, Н.Н. Тобурокова и других.

В плане исследования взаимосвязи торкских литератур второй половины XX века были использованы работы исследователей национальных литератур России, в том числе татарских ученых Т.Н. Галиуллина, Х.Ю. Миннегулова, Р.Р. Замалетдинова, Р.К. Ганиевой и других.

В диссертации использованы также материалы и положения таких алтайских критиков и литературоведов, как Н.А. Баскаков, С.С. Суразаков, С.М. Каташев, С.С. Каташ, Г.В. Кондаков, В.И. Чичинов, З.С. Казагачева, Р.А. Палкина, Н.М. Киндинова, Т.П. Шастина, Э.П. Чинина, Т. Садалова, А.В. Киндинова и других.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что в ней на современном этапе развития литературоведения освещаются вопросы творческой индивидуальности Дибаша Каинчина. Хронологические рамки исследования охватывают произведения начала 60-х годов прошлого века и по настоящее время.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования результатов исследования для более полного изучения творчества Д.Б. Каинчина.

Целесообразной видится возможность применения результатов исследования при анализе произведений писателя в вузе и средней школе, при составлении программ, учебных и методических пособий по алтайской литературе и культуре народов Республики Алтай для школы и вузов.

Результаты исследования могут быть использованы при написании литературного портрета Д.Б. Каинчина для вузовского пособия «История алтайской литературы», составлении энциклопедии Республики Алтай; в спецкурсах и спецсеминарах при изучении жанрово-стилевого своеобразия и языка произведений писателя.

Проведенный в диссертационной работе анализ существенно расширяет представление о роли национальных образов в художественном мире прозы Дибаша Каинчина.

Материалом для настоящей работы послужили наиболее значимые произведения Д. Каинчина: рассказы, повести, роман, переводы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В тематике и проблематике произведений автора отражены роль личности в истории, взаимоотношения государства и народа через судьбы отдельных героев, возрождение обычаев и обрядов, проблемы сохранения языка и религии, экологии, старого и нового, своего и чужого.

¹³ Палкина Р.А. Проза Дибаша Каинчина/Р.А. Палкина// Художник слова.- Горно-Алтайск,-2002.- С.40.

2. В национальной картине мира прозы писателя основную роль играют национальные традиции (концепты, образы-символы, национальный характер, фольклорные и мифопоэтические традиции, как носители особой выразительности национального мироощущения).
3. Художественное пространство и время являются основными компонентами национальной картины мира в прозе писателя.
4. Особенности языка и стиля произведений писателя отражают национальное своеобразие, специфику культуры народа, являясь знаковыми для ее представителей.

Апробация результатов работы. Основные положения работы в виде сообщений были представлены на научных конференциях и семинарах, в частности, на межрегиональном научном семинаре «Тюркоязычные литературы Сибири: проблемы художественного перевода» – тема практической работы «Особенности восприятия инонациональной литературы» (2004, Горно-Алтайск), научно-практической конференции «Развитие алтайской филологии: итоги и перспективы» (2005, Горно-Алтайск), международной научно-практической конференции «Тюркские языки на пороге третьего тысячелетия» (2006, Горно-Алтайск), ежегодной научно-практической конференции студентов и аспирантов ГАГУ (2007, 2008).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность работы, научная новизна, методология, степень изученности проблемы, ставятся цели и задачи исследования.

В первой главе – **«Проблема национальные традиции в литературоведении»** рассматривается историография данного вопроса в литературоведении как изученность и прослеживается её функционирование в алтайском литературоведении.

В параграфе – *«Теоретическое осмысление проблемы «национальная традиция» в трудах исследователей»* - категория «национальная традиция» рассмотрена в трудах мировых и отечественных ученых. В понимании термина «традиция» исследователи приходят к следующему выводу: во-первых, на первом плане здесь находится не функция передачи из поколения в поколение тех или иных ценностей (в основном духовных), а отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование или же неприятие; во-вторых, логика самоопределения литературы вбирает в себя параметры

межлитературного процесса как сущностные регуляторы внутринациональной динамики. Традиция же в этом смысле – не копирование форм, которые существовали в прошлом, а активно развиваемое и преобразуемое прошлое.

Такое понимание национальных традиций характерно для алтайской литературы и творчества Д. Каинчина в том числе.

Современные исследователи объясняют обостренное внимание литературы к истории и национальным традициям стремлением писателей выявить истоки национальной самобытности, не утратить свое лицо и сохранить прогрессивные традиции прошлого.

В параграфе *«Национальные традиции и фольклор как отражение региональных особенностей»* в литературно-критических статьях ученых Сибири и Горного Алтая рассматривается развитие национальных традиций, влияния и взаимообогащения литератур в историко-типологическом направлении. Выявлены общие тенденции в развитии литератур с разным опытом развития. Осмысливая самобытность каждой из них, эти работы позволяют определить художественный уровень алтайской литературы. Обращение писателей к народному творчеству обусловлено желанием – усилить национальный элемент в литературе путем ее сближения с фольклором. Это играет важную роль источника идейно-эстетических, художественных ценностей в развитии национальных литератур. Фольклоризм во многих случаях усиливает идейно-эстетическую значимость произведения, обогащает его язык, помогает раскрыть психологию и характеры героев, глубже показать национальные характеры. Отмечая связь фольклора и литературы, необходимо отметить, что устное народное творчество является бесценным богатством каждой национальной культуры. С целью создания национального характера писатель оказывается под влиянием таких факторов как жизнь, литература и искусство, фольклор. Идеи и созданные в литературе эстетические параметры национальной культуры подтверждают, что алтайская литература второй половины XX века является закономерным этапом в историческом развитии национальных литератур России.

Во второй главе – **«Национальные образы в прозе Дибаша Каинчина второй половины XX столетия»** дается краткая творческая биография и определены основные истоки формирования художественной национальной картины мира в творчестве Д.Б. Каинчина. Прослеживается тематика и проблематика рассказов и повестей, сюжет и композиция отдельных произведений.

В параграфе *«Место Дибаша Каинчина в алтайской литературе»* анализируется жизненный и творческий путь писателя. Дается краткая творческая биография Д.Б. Каинчина, которая особо не выделяется от судеб других писателей послевоенных лет.

Важную роль в формировании личности писателя сыграли детство и юность в военные и послевоенные годы, служба в рядах Советской Армии, работа в родном селе, писательский труд и учеба на заочном отделении Литературного института имени А.М. Горького. Все это, так или иначе, сказалось в его ранних произведениях. По окончании института (1965-1971) Дибаш Берукович был принят в члены Союза писателей. Он — автор более тридцати книг прозы: рассказов, повестей и романа, опубликованных в Москве, Новосибирске, Барнауле, Горно-Алтайске и во многих литературных журналах и альманахах. Рассказ Дибаша Каинчина «Изгородь» включен в антологию «Современная литература народов России» (2003).

Сборник рассказов «Люди одной долины»/«Яныс ӧзӧктин улузы» (1969) Д. Каинчина Л.П. Якимовой определяется как книга «проблемного социально-психологического повествования», который отличается пристальностью внимания к судьбам людей, личностному содержанию человека, что «упорно пробивало себе дорогу в новой алтайской прозе. Данный сборник говорит о создании в национальной литературе фундамента художественных традиций»¹⁴.

Появление жанровых разновидностей малой прозы в ранний период во многом обусловило жанрово-стилевое развитие зрелого творчества писателя. Малые рассказы способствовали появлению повествований, в которых философски осмысливается жизнь. В собственно эпическом рассказе в связи с усилением интереса прозаика к типам национального характера, рассказ-событие (рассказ-ситуация) сменяется рассказом-портретом (рассказом-характером), «жанровая разновидность рассказа — монолог-рефлексия». Отмечаются и «лукавые рассказы», которые «утверждают позитивные стороны окружающей действительности посредством юмора, иронии, лукавства, психологических смещений» и «рассказы-повести или большие рассказы»¹⁵.

С выходом первого сборника «Люди одной долины»/«Яныс ӧзӧктин улузы» на русском языке (1984) творчество Дибаша Каинчина стало рассматриваться в контексте российской «деревенской прозы». Обновление тематики и проблематики, обогащение поэтики и стиля произведений писателя отмечаются с появлением в творчестве романа, повестей, рассказов и новеллы, которые в идейно-художественном отношении не уступают художественному уровню произведений известных российских писателей.

¹⁴ Якимова Л.П. Об идейно-художественных итогах одного десятилетия в истории алтайской литературы/Л.П. Якимова//Актуальные проблемы современной алтайской литературы.-Горно-Алтайск,-1995.-С.39.

¹⁵ Палкина Р.А. Каинчин Д.Б. Литературный портрет/Р.А. Палкина//История алтайской литературы. Книга 2.-Горно-Алтайск,- 2004.- С.31,32.

В литературно-критических статьях алтайских исследователей затронута лишь часть литературоведческих проблем, связанных с изучением поэтики произведений писателя. Учеными делаются попытки описания художественной символики и поэтического строя некоторых произведений Дибаша Каинчина, пространственно-временных параметров картины мира некоторых рассказов, что подтверждает лишь частичность и фрагментарность этих работ.

В параграфе «Национально-художественные традиции в тематике и проблематике произведений» прослеживается глубокая внутренняя связь творчества писателя с национальными традициями и фольклором, историей народа и его этнофилософским мировоззрением.

Творческая зрелость Д. Каинчина приходится на 80-90-е годы прошлого столетия. В этот период из-под пера писателя выходят произведения, где он поднимает вопросы о судьбе своего народа, пытается осмыслить историческое прошлое, задумывается о будущем Алтая.

Прозаик через тему деревни смело выходит на проблемы национального бытия в прошлом, настоящем и задумывается над будущим. Так, в произведениях Д. Каинчина содержатся глубокие раздумья о судьбах сельских жителей и о постепенном исчезновении языка, религии, национальных обычаев и традиций, об утрате духовных ценностей. Все это автор показывает через образы и мироощущения своих героев: Сабу Иванович («Талкан»), Моронот («Аба жыштын балазы»/«Дочь тайги черновой»), Таркраш («Баш ла болзын»/«На перевале»), Каалта («Чеден»/«Изгородь») и другие.

В рассказах «Байкал и Саксабай»/«Байкал ла Саксабай», «Кайчи»/«Кайчы», «Талкан» прошлое не столько воспроизводится, сколько переживается автором заново. Д. Каинчин обращается к военным и послевоенным годам. Во многих его произведениях героями выступают дети. Тон повествования определяет предельно эмоциональное отношение писателя к детству. В них сочетается две ипостаси: подростка и взрослого. В названных рассказах-воспоминаниях повествователь и автор максимально сближены.

В зрелые годы в его творчестве появились рассказы о гражданской войне и репрессии: «Поездка домой Тита Тырышкина — красноармейца по имени «Горный Бар»/«Тит Тырышкиннин жанганы» (1993), роман «Над нами Белуха»/«Ӱстибисте Ӱч-Сӱмер» (1986, 1994), повести «Пусть глазам моим покажутся горы»/«Кӱстӱриме туулар кӱрӱнзин» (1988), рассказы «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова», «Любовь коммуниста Гомзина», «Лунная соната» (2004) и другие.

В этой связи в контексте освещения тематики и проблематики произведений, продемонстрировано новое прочтение и видение содержания, идейной направленности некоторых произведений, датируемых советским периодом. Мы исходим из того факта,

что жизненная правда в искусстве не может существовать вне индивидуального видения мира. Не каждому писателю удастся внести в литературу новый человеческий тип, совершить художественное и социальное открытие. Глубокое знание народной жизни и его фольклора, интеллект и образование писателя позволили Д. Каинчину постичь природу национального характера, основополагающих особенностей менталитета алтайцев. Автор сумел использовать веками выработанную в народе систему нравственных, культурно-эстетических, религиозных и других представлений и норм, характерных для этноса в целом. В повествовательную структуру рассказов и повестей включаются традиционные образы (концепты и символы) и мотивы, характерные для тюркских и других родственных народов. Они служат для создания определенного колорита, выражения менталитета алтайцев, основу национального бытия и художественного мышления.

Проблема возвращения к национальным истокам выражается в изображении национальной картины мира посредством мифологемы огня, очага, аила в рассказах («Талкан», «Дочь тайги черновой»/«Аба жыштын балазы»), коновязи («Изгородь»/«Чеден», «Как едущий на Мухортом Каака ездил к Суркашу»/«Калпар атту Каака Суркаш эшке жетире жүргени», «Поездка домой Тита Тырышкина – красноармейца по имени «Горный Барс»/«Тит Тырышкиннин жанганы» и т.д.), мирового (родового) дерева («На перевале»/«Баш ла болзын...» («Сохрани нас...»), «Старая лиственница»/«Карган тып»), гор («В глазах наших Синяя Скала»/«Кёзибисте Кёк-Кайа», «Пусть глазам моим покажутся горы»/«Кёстөриме туулар көрүнзин»), тотемных птиц и зверей («Пепел звезд»/«Ылдыстар когы») и фольклорными образами.

Архетипы в рассказах и повестях Дибаша Каинчина позволяют увидеть существенные стороны его произведений, как продолжение человеческого рода, связь времен, память о прошлом.

Тема далекого прошлого тюрков в современной литературе тюркских народов России является одной из самых актуальных. К числу произведений, в которых писатель обращается к историческому прошлому своего народа относится повесть «Пепел звезд»/«Ылдыстар когы» (1990, 2006). Он затрагивает проблемы, волновавшие многих представителей алтайского народа – осознание роли и места родного этноса в истории человеческой цивилизации, которые стали особенно актуальными в настоящее время.

В данной повести образ жизни этноса предопределяется жестокой борьбой за выживание, за сохранение своей целостности и независимости. Писатель сумел воссоздать облик того времени. По замыслу автора основные события происходят в местах, где в настоящее время находятся Пазырьские курганы, что придает событиям в повести достоверность и правдивость.

В обращении древнетюркского кагана-повелителя к горе Вечная Грива подчеркивается близость человека и природы, сохранившиеся до нашего времени. Оно заключается в их единстве. Человек – дитя природы, «которое родилось из его чрева, оторвалось пуповиной от неё, выросло, питаясь её телом и соками, стало Повелителем, и своими деяниями возвеличило его во всех сторонах Вселенной и возвратилось, чтобы снова стать её горсточкой» (выделено нами- У.Т.)¹⁶.

В повесть Д. Каинчин включает древние и исторические события, предания, имена людей, намекает на их жизненный путь и приводит ряд сведений о прошлом, в которых заключена и нравственно-философская установка. Произведение богато и мифическими персонажами. Образ беркута Курч Тырмак (Острый Коготь) является одним из главных героев. Являясь свидетелем многих исторических событий в жизни тюрков, в повести он существует параллельно автору-повествователю и главному герою. Его появление в произведении не случайно. Беркут-«мүркүт» – тотемная птица алтайского рода-сеока *мержит*.

Как известно, мотив птицы в тюркской мифологии имеет широкое распространение. Функции её многообразны. Птица может быть вестником, дарителем, супругой, хранителем и покровителем рода, т.е. быть тотемной птицей. В повести Острый Коготь среди воинов кагана нашел близкого родственника, знаменосца «по имени Бек-Тайак (Крепкая Трость – перевод наш), из рода-сеок беркут».

«Крепка родственная связь, никак не разорвешь её, она неотделимо перемешана в твоей крови, в душе – последнее и самое большое желание твоих предков; на этой связи и держится жизнь» – утверждает повествователь [С.72].

В повести образ беркута прослеживается параллельно другому образу Великого кагана Ак-Күн – Белое Солнце. Автор приводит читателей к проблемам сохранения тюркского народа: «Чем древнее, то есть раньше, жил человек, тем мощнее и раскидистее его потомственное древо, и он жив. Древний предок, сегодня он – есть нынешние мы» (выделено нами-У.Т.) [С.3-4].

Удачным можно считать и включение в повесть предания о прародительнице тюрков – синей волчице, вскормившего мальчика, от которого родились тюрки, а так же и род кыпчаков. Дибаш Каинчин сохраняет сюжет народных преданий с его нравственно-философским направлением, которыми отличаются все восточные предания. В передаче писателя они приобретают особое внутренне-человеческое, психологическое значение и усиливают динамику действия. Он сумел убедительно воссоздать многие реалии того времени и компоненты тюркского менталитета.

¹⁶ Каинчин Д.Б. Пепел звезд/Д.Б. Каинчин.-Горно-Алтайск,-2006.-С.11. Далее примеры из текста указываются [С.].

Через внутренний монолог-рассуждение Ойгорула автор размышляет о судьбе всех тюркских народов – возродился тюркский народ, не исчез, не растаял среди других. Повесть имеет кольцевую композицию. Финал повести перекликается со словами Б. Укачина, который служит эпиграфом к произведению.

Особый интерес в творчестве исследуемого периода привлекают произведения, в которых автор пытается по-новому осмыслить историческое прошлое своего народа в свете происшедших в стране перемен. Эта тема нашла отражение в повести «Голова жеребца»/«Айгырдын бажы» (1969), романе «Над нами Белуха»/«Ўстибисте Ўч-Сүмер» (1986), новелле «Поездка домой Тита Тырышкина – красноармейца по имени «Горный Барс»/«Тит Тырышкиннин жангань» (1993, 2002) и других.

В историко-литературном плане названная новелла для алтайской литературы совершенно новое произведение: у Д. Каинчина проявляется иной подход к осмыслению темы революции и гражданской войны. Задумывая диалог с прошлым, он не ставит главной задачей осуществление пересмотра традиционных для прошлой литературы нравственно-эстетических посылок. Проецируя переходность эпохи 20-х годов на переходность 90-х прошлого столетия, многие из них автор не подвергает сомнению. Однако Дибаш Каинчин прослеживает диалектику отечественной морали и предостерегает от повторения в настоящем «негативного опыта социальных переделов» в прошлом.

Сюжет осложняется всевозможными композиционными и смысловыми ходами, смещенными во времени и пространстве. Действие внезапно переносится с одного места на другое. И при всем этом превалирует авторская установка на историзм в освещении событий, их отдельных описаний и эпизодов из жизни персонажей.

В произведении «обузданная коновязь» символизирует судьбу алтайского народа в 20-е годы прошлого столетия. Это не только примета прошлого, но и трагическое прошлое, веки памяти, которое хранит время. Возвращение главного героя к «родным петелищам», установление новой коновязи – это и возвращение к общенациональным духовным идеалам и ценностям, символическое «возвращение к себе», «обретение себя» самого.

Символика пути Тита Тырышкина представлена от чужого и ложного к родному, к своим истокам, к своему естественному, подлинному национальному состоянию. Автор, раскрывая противоречивость образа Тита, показывает, как за три года войны за «свободу» и «независимость» из простого землероба он превращается в хладнокровного убийцу.

Параллельное повествование заканчивается пересечением двух сюжетных линий в аиле Шабурака. Герой понимает: нельзя показывать слабость, нужно быть уверенным, смелым, и в то же время не может противостоять агрессии Тита. Показывая встречное движение чувств героев, автор ставит острый вопрос: с одной стороны самооправдание, с

другой – самообвинение. Эта противоречивость чувств (самообвинение и самооправдание) относится и к Шабураку, и к Титу. Если Шабурак обвиняет себя за нерешительность и робость, то Тит, совершив преступление, оправдывает свой поступок и второе имя «Горный Барс».

Противоречивость чувств героев объясняет динамичный, нервный ритм новеллы, под которым ощущается твердый стержень в виде неотступного нравственного вопроса, происходящего в подтексте. Этот вопрос – искупление своей вины. «Будто целая гора, давит» на Тита, «и не хватит у него силы, чтобы выдержать такое». Он подвергает себя тяжелому испытанию – моральному самосуду, и арбитром здесь выступает его совесть. Тит один на один остается со своими раздумьями: «Правильно он поступил или нет? ... Правильно он жил или нет?» и обвиняет Революцию, и Время, и эту Жизнь. Перед его взором «женщина в лохмотьях возле дороги в далеком горном селе Абай. За подол её рваной юбки держится девочка с белым бескровным лицом» как образ обескровленной, нищей и раздираемой войной России во время гражданской войны.

«Мы все будем отвечать» – думает Тит. Герой бросает вызов той власти, за которую сам воевал: «Мы все будем в ответе». Такой финал первой сюжетной линии новеллы приводит к мысли, что автор не склонен верить в легкую победу справедливости, видя выход в постепенном духовном совершенствовании и возрождении веры в человеческие возможности.

Д. Каинчиным использованы достоверные материалы из истории Горного Алтая 20-х годов прошлого века. Называются фамилии и имена, события, имевшие место в годы гражданской войны. Особенностью сюжетно-композиционного построения исследуемого произведения является открытый финал. В новелле непрерывный переход от монолога к диалогу (и обратно) в размышлениях героев обусловлен временем: нестабильным, хаотичным, переходным.

В литературе каждого народа есть определенные образы-символы, которые являются частью национальной картины мира того или иного народа. В алтайской литературе родовая гора, кедр (лиственница, береза), огонь, волк (или другие тотемные животные и птицы) – образы, которые являются обязательными в создании национальной картины мира алтайцев. Выбор места действия названных образов в произведении несет за собой также и символический подтекст. Использование их является ключом к раскрытию внутреннего мира национальных характеров. Удачное сочетание реального с мистическим – один из художественных приемов автора.

Тема репрессированных отражена в повести «Пусть глазам моим покажутся горы»/«Көстөриме туулар көрүнсин» (1988) и рассказе «Лунная соната» (2004).

В основе произведений лежит конфликт человека с властной силой, которая решает его судьбу, распоряжается им, обрекая на голод и холод, муки и гибель. В повести на перепутьях истории прослеживается судьба алтайской женщины по имени Мызыл. Исследуемое произведение, так же, как и другие, строится на переплетении настоящего и прошлого: переживаемое героями представлено в настоящем времени и в ретроспекции.

Жизненный материал и сам подход к их художественной разработке принципиально новы в алтайской литературе. Действие в повести происходит в Средней Азии. В памяти главной героини Мызыл всегда живет родной Алтай (детство, юность, молодые годы и счастье семейного очага). В настоящее время эта родина у Мызыл и её детей отнята государством. Героиня повести стоит перед выбором: остаться жить в Казахстане или продолжить долгий путь домой по бескрайней степи.

Мызыл – хранительница семейного очага, которого она лишилась не по своей воле. Её дети принадлежат роду её мужа, у них есть своя родина, братья и сестры по крови. И она должна привести их домой. Как известно, сломанная судьба отдельного человека доказывает, как прерывается целый род, а уничтожение человека равносильно уничтожению этноса. В повести Дибаша Каинчина национальные традиции и память спасают Мать и её детей, таким образом, сохраняется род, этнос. Писатель раскрывает образ Мызыл, выделяя в ней суть национальной неповторимости образа Матери, напоминающей мифологему Великой матери Богини.

Женщина с тремя детьми бредет по бесконечной степи. Её мысли погружены в родное пространство. Единственное желание, которое Мызыл повторяет без конца, а вслед за ней повторяют её дети: «Кёстөриме туулар көрүнзин...» («Пусть глазам моим покажутся горы...»). Это дает им силу и придает повести оптимистическую перспективу. Связь с родной землей позволяет Мызыл видеть и по-особому чувствовать конкретно-осознаваемые художественные детали.

Образ чужбины в повести выражается при помощи таких деталей, которые используются при создании чужого пространства: она (чужбина) лишена звуков, запахов, погружена в темноту, жару и т.д. Чужая степь, жара, голод и песок обжигали Мызыл и её детей в пути домой, горечь и отчаяние переполняли сердце матери:

«Чол ло Тенеринин бириккен чийүзи түп-түс. Чийе тартып койгон учуктый түс. Тал-гүштин изүзи олордын үстине урулып ла жат, урулып ла жат, орчыланды кургада, куулайта, жалап ла жат. Изүнен качар да, жажынар да арга жок: она жаныс ла сепсеске албаданар керек» – «Линия горизонта Степи и Неба ровная-ровная. Как ровно натянутая нить. Сверху на них льется и льется полуденная жара, высушивая и облизывая весь небосклон. Нет

возможности убежать, спрятаться от жары: только нужно стараться не замечать её»¹⁷ (перевод У.Т.).

Чужбина предстает в негативных характеристиках: «изү» – «жара», «сән» – «безжизненная, пустая», «куп-куру» – «совершенно пустая, голая», «түп-түс» – «ровная-ровная» и т.д. Чужое пространство кажется жарким, душным (зимой холодным, ветреным), незащищенным и беззащитным. Таким образом, художественные детали пространства и времени как временные образы автором противопоставлены.

Образ родины создается из ряда конкретных символов и мифологем. Изображая оторванного от родной земли человека, автор наполняет его воспоминания конкретными национальными деталями, образами, приметами, явлениями: «чеден болгон туулар» – «горы, служившие изгородью», «серүүн сыркынду төрөл тенери» – «небо с прохладным ветерком», «содон айылдар» – «конусообразные аилы», «желбер арал» – «густой лес» и т.д.

Чужбина в повести воплощается в развернутую метафору тишины. Тишина – признак чужого мира:

«Эбире ээн, кыймык та жок, табыш та жок... Таленко до этпейт, жылан-келескен де көрүнбейт. Жаныс ла сүрекей бийикте мүркүт айланат» – «Кругом пусто, ни движения, ни звука... Даже жаворонки не поют, ни ящериц, ни змей даже не видно. Только очень высоко кружится беркут» [С.533] (перевод У.Т.). Птица, которая свободно парит и кружится на небе, в повести является знаком о близости гор, родины. Она вселяет в сердце Мызыл надежду, придает ей силу. Молчание и тишина как темы беззвучия, оказываются тоже противопоставленными. Молчание, являясь признаком «своего», родного мира, всегда присутствует там, где есть люди. Д. Каинчин прекрасно чувствует семантическую разницу слов «молчание» и «тишина». В повести образ тишины является исключительно важным для выражения состояния Мызыл и её детей в чужом мире.

Рассказы писателя, вошедшие в сборник «Лунная соната» (2004), – «Лунная соната», «Любовь коммуниста Гомзина», «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» написаны по реальным документам, обнаруженным в архивах Горно-Алтайска. Автор ставит вопросы взаимоотношения в семье, когда между самыми близкими людьми встает третий – «советская власть».

Особенностью названных рассказов является присутствие не только изображаемого мира с его конфликтами, судьбами людей, но и самого автора-повествователя, постигающего и оценивающего этот мир.

¹⁷ Каинчин Д.Б. Косториме туулар корунзин/Д.Б. Каинчин, К.Ч. Телесов//Ястын жаны эзини.-Горно-Алтайск.-1989.-с.532-533.

Продолжением темы исторического прошлого народа является обращение прозаика к роману «Под Белухой» («Ўч-Сүмер алдында», 1986). Тема, которую затрагивает автор, историческая судьба народа (революция, коллективизация, репрессии). Он отображает процесс развития культуры и литературы, укрепление тенденции, вступающей в противоречие с тенденциями исторического развития и осмысления судеб народов. Роман в новом издании выходит дополненным (в двух частях) и носит название «Над нами Белуха» («Ўстибисте Ўч-Сүмер» (2003).

Если говорить о позиции автора, то они остаются незыблемыми, особенно в отношении, связанной с проблематикой нравственно-этического выбора. Обратим внимание на названия романа: «Под Белухой» («Ўч-Сүмер алдында») (1986) и «Над нами Белуха» («Ўстибисте Ўч-Сүмер» (2003). На наш взгляд, Дибаш Каинчин во втором издании изменил название, под влиянием постсоветских перемен и роста духовной жизни своего народа. Если в первом варианте мы наблюдаем, что все события в романе происходят в далеких стойбищах и селениях под Белухой, то во втором, со значительными дополнениями и некоторыми изменениями границы событий расширяются до всего Алтая. История алтайцев показывает, как в трудные для Алтая годы люди всегда уходили в горы, находя там убежище и кров. Они как бы находились под защитой гор, поэтому народ в своих алкышах-«благопожеланиях» всегда обращается к Алтаю, как бы молясь о его вечном процветании и благополучии. Священная гора Белуха (Ўч-Сүмер, Кадын-Бажы) в романе является оберегом и хранителем алтайцев. По древним преданиям тюркских народов гора Белуха является и местопребыванием богини Умай, покровительницы детей. Она входит в триаду высших божеств древних тюрков. По призыву людей Умай Эне спускалась по радуге от Верховного небесного духа на одну из вершин Белухи. Три вершины Священной Белухи нашли отражение в головном уборе Умай—царской тиаре.

Название романа имеет мифологический подтекст. Народ Алтая находится под его прикрпием и защитой — «Под Белухой». Вторая часть и весь роман называется «Над нами Белуха» (2003) и выражает отношение народа к своей святыне в постперестроечное и настоящее время. Возрождение обычаев и обрядов, поклонение Алтаю — почитание родовых гор, святыни всего Алтая — Белухи послужили толчком к замене названия романа. Писатель по-новому ощущает и осмысливает перемены в духовной жизни народа. Обращение к животворному источнику родной земли становится сквозным для всех произведений автора, в том числе и названного романа. Он сумел различить тончайшие нюансы меняющегося бытия. Возможность глубокого проникновения в более открытую в постперестроечный период, возрождающуюся духовную жизнь народа, является в романе отражением рождения нового общественного сознания.

Социальная и историческая значимость произведения в том, что оно показывает сложный переходный период в жизни народа, который вел полукочевой образ жизни, его исторические корни и культурную самобытность. Роман по праву является одним из лучших произведений всей современной алтайской литературы, но вместе с тем нужно отметить, что он не закончен. В настоящее время автор работает над третьей и заключительной частью романа.

Первые же две части произведения привлекают не только затронутыми в них историческими темами, но и содержащимся в них всеобъемлющим исследованием этнографии, фольклора, быта и духа описываемой эпохи: это описания народных традиций и обрядов, традиционного жизненного уклада и мастерское изображение писателем национальной картины мира алтайцев.

Для исследуемого романа чрезвычайно важны хронологические рамки: персонажи обязаны жить и действовать в пору событий общенационального значения. Временные рамки произведения охватывают 17-18 годы прошлого столетия. События второй половины XVIII века (период Джунгарского ханства и вхождение Алтай в состав России), также начала XX века (религиозное движение Ак-жан, русско-германская война в России) вводятся в роман через прием ретроспекции и через народные предания.

Художественное пространство первой части романа охватывает стойбища и селения у подножия Белухи и постепенно доходит до Улалы. Во второй части это пространство расширяется до северных районов Алтая и Яши-Тура (ныне Бийска).

Национальное своеобразие ярчайшим образом проявилось и в поэтике произведения. Это роман, где есть и рассказы о частной жизни людей (семейная хроника Ээжи, купца Ощепкова и т.д.), но включенная в историческое повествование, где история выступает не как фон, а полноправный объект изображения.

В романе «Над нами Белуха» можно выделить следующие основные черты исторического романа: соединение истории и частной жизни; преодоление замкнутости прошлого и достижение полноты времени (то есть в настоящем живет прошлое как таковое, а не воспоминание о нем); совмещение в романе разных времен исторического (христианизация Алтая, религиозное движение Ак-жан (Белая вера), постепенный переход к новому (капиталистическому) образу жизни, русско-германская война в России, революционные годы, Горная Дума и Кара-Корумская управа и их роль в судьбе алтайцев и т.д.

В связи с этим, наблюдается то, что когда автор начинает описание исторических событий, он перестает быть художником, и превращается в историка-документалиста. В романе автор затрагивает темы, важные и знаменательные для алтайцев: формирование национально-религиозного самосознания (через образы Аргыма Кульдина и Чета

Челпанова – бурханистское движение 1904 года, моление в долине Теренг). Через поступки Табытка Тобокова вероисповедание выступает в качестве главного признака и обязательного атрибута «своего» так и «чужого».

Трудности и тяготы русско-германской войны в судьбах алтайцев находят отражение через воспоминания есаула Кайлыкова, участников войны Сулатая и Силантия.

Февральская буржуазная революция, образование Алтайской Горной Думы, затем Кара-Корумской управы являются основными событиями, вокруг которых разворачиваются действия и поступки главных персонажей романа.

В романе архетипы Јер-Суу, (Јер-«Земля», Суу-«Вода») символизируют историческое предназначение народа. Любовь к земле помогает алтайцам ощущать свою личную связь с предками. Автор раскрывает представление о Родине-Матери как о священном пространстве Јер-Суу, в котором пребывают предшествующие поколения, родичи, прадеды. Они выражают историческую преемственность, верность традициям отцов и дедов, живая память о национальных покровителях родного дома, своей территории, дома, почвы, горы. Наиболее ярко они выражены в главе романа в диалоге между Асканаканом и Г. Гуркиным.

В сюжете и композиции произведения наряду с политическим и эстетическим идеалом выявляется и концепция автора, его взгляд на развитие исторического процесса. Элементы композиции внутренне связаны друг с другом так, что они позволяют писателю реалистически раскрыть характеры, развить систему историко-философских проблем, возникающих в связи с изучением описываемой эпохи.

В проблематике романа выступает идейно-политическая близость к задачам изображения исторического прошлого с позиций современности. В романе «Над нами Белуха» проявляется нравственная истина, что эпическое движение истории складывается из частных поступков отдельных личностей. Реализация этой нравственно-психологической и философско-исторической концепций определяет особенности художественного строя произведения.

Одним из ярких страниц в творчестве писателя являются произведения о Великой Отечественной войне. Этот трагический период в судьбе нашей Родины отразился в произведениях писателя, насыщенных автобиографизмом («Байкал и Саксабай», «Кайчи» и др.). Повесть «Дороги отцов» («Адалар јолы») («Дети кедр», 1986-1987) раскрывает тему 1941-1945 годов войны. В произведении драматическая судьба одного из героев – дезертира Кыдыра противопоставляется главному герою Садаку.

Если в повести «Живи и помни» (1974) В. Распутин Андрей Гуськов дезертировал не по умыслу, и им руководствовало желание только увидеть, встретиться с родными, то Кыдыр приводит множество аргументов, почему он бежал. Через внутренние монологи, в

которых проглядывается образ человека, обиженного на советскую власть, автор раскрывает внутренний мир героя.

Историческая реальность в повести дополняется элементами эпического сказания. В частности, традиционный образ коня и мотивы побега с поля сражения Кер-Бее обогащают произведение нравственно-эстетически и придают ему определенный национальный колорит. Мотив возвращения Кер-Бее автор раскрывает через диалог между кобылой и жеребцом Јеерен-Айгыр.

Д. Каинчиным реализуется, приобретая глубокий социальный и нравственно-философский смысл, народная пословица «Агаш јыгылар – арка артар, кижки божоор – кижилик ѳлбѳс» («Дерево упадет – лес останется, человек умрет – человечество не умрет»). Примером развертывания данной пословицы является сын Садака – Бабыш Садакович и его потомки. Вопрос о продолжении рода человеческого и жизни земной раскрывается устами Старой Мамы-«Карган Эне» и через «философски осмысленную картину с предположительными названиями «Жизнь» или «Вечность», которая олицетворяет процветание жизни наперекор войне», которую рисует сын главного героя.

Исследование тематики и проблематики произведений приводит к выводу, что ведущего прозаика алтайской литературы интересуют как частные проблемы современной жизни, так и проблемы общечеловеческие. Причем, разрабатывая проблемы более частные, писатель прибегает к жанру рассказа, а более общие — жанрам повести и романа. Среди таких проблем необходимо назвать роль личности в истории, взаимоотношения государства и народа через судьбы отдельных героев, возрождение обычаев и обрядов, проблемы сохранения языка и религии, старого и нового, своего и чужого и т.д.

Параграф «Национальное мировидение в сюжетно-композиционной структуре произведений» состоит из разделов «Концепты «аил-дом», «јол»-«путь»» и «Мир художественной образности» в которых отмечается, что для Дибаша Каинчина свойственно стремление к усложненному сюжету. Нужно заметить, что эта особенность архитектуры произведений автора наблюдается почти во всех его рассказах, повестях и романе. Диссертантом исследованы такие рассказы как «Талкан» (1969), «Как едущий на Мухортом Каака к Суркашу ездил» («Калпар атту Кааканын Суркаш эшке јургени» (1969), «Изгородь»-«Чеден» (1992, 2002), «На перевале»-«Баш болзын» (1994, 2002), «Дочь тайпи черновой»-«Аба јыштын балазы» (1994), «Как Болот в космос летал»-«Очы сѳѳктѳ Болоттын Айлапкышка учуп јургени» (1969) и др.

В параграфе «Концепты «аил-дом», «јол»-«путь»» анализируются ранние рассказы Дибаша Каинчина «Талкан» и «Калпар атту Кааканын Суркаш эшке јургени» в контексте произведений алтайских писателей. Отмечается заметно возросшая роль национальных

концептов и образов-символов в развитии сюжета и композиции произведений. Углубление тематики произведений отличается новым видением мира и человека.

В рассмотренных произведениях выделяются такие виды образности, как «топос», «мотив», «архетип», «символ», «эмблема». Нами исследована их роль в развитии сюжета и композиции отдельных рассказов Д. Каинчина. К таковым относится национальная юрта алтайцев – аил, юрта («дом»). Исследованию образа дома как в русской литературе, так и в национальных литературах отводится значительное место. Дом, как один из важных компонентов национального художественного мышления, рассматривается и при изучении татарской литературы XX века. Об этом свидетельствуют работы Д.Ф. Загидуллиной, Р.К. Ганиевой, Ф.И. Урманчеева, Л.Р. Замалетдинова. В работах последнего дом рассматривается как ключевой концепт в национальной картине мира татарского народа. образу дома посвящены труды и других татарских исследователей, в том числе и А.Д. Баталовой.

Пространство аила-дома выполняет две функции: сохранения и передачи семейных и культурных традиций и ценностей, а также защитную функцию жилья. Он стал одним из главных признаков и обязательного атрибута как «своего», так и «чужого» в алтайской литературе XX века. В произведениях аилы противопоставлены материальным ценностям и подчеркивают дефицит духовности в обществе, являются обязательным атрибутом национальной картины мира алтайцев.

Параграф *«Мир художественной образности»* посвящен исследованию особенностей развития в прозе писателя национальных образов алтайцев.

Одухотворенная природа, являясь постоянным контекстом действий и неизменным компонентом произведений, сопровождает важнейшие эпизоды и сцены. Тесная связь алтайцев с природой, древние предки которых освоили мир на уровне мифопоэтического мышления, почитание её как живого человека не позволяет без надобности срезать или ломать ветви, срывать цветы, убивать зверей. По представлению алтайцев, окружающий мир существует в гармонии с человеком; свидетельством этому являются обычаи, традиции, ритуалы, сохранившиеся до сегодняшнего дня. Это поклонение небу – Кёк Тенери (Тенгри), почитание объектов природы – гор, рек, озер, деревьев и т.д.

Включение природы в мир человека получает в прозе Д. Каинчина дальнейшее развитие и обретает новые формы. В произведениях разворачиваются широкие картины ландшафта в разные времена года. Эти сменяющиеся друг друга картины по-своему выражают в произведениях циклический характер движения времени («Как ездящий на Мухортом Каака к Суркашу ездил») и являются постоянным контекстом и органической частью изображаемых в произведениях ситуаций. Они обслуживают событийный ряд,

движение сюжета и составляют важный элемент в композиционной структуре произведений последних лет.

Одним из самых значительных произведений 90-х годов прошлого столетия стал рассказ «Чеден»/«Изгородь» (1992, 2002), для которого характерен тщательный отбор изобразительно-выразительных средств, блестящее использование художественной детали. Автор показывает судьбу простого чабана Кулова Каалга как «частного» на фоне исторической судьбы народа. Произведение основано на реальном факте. Сразу же после выхода в свет рассказа внимание рецензентов и литературоведов привлекла социальная значимость произведения, затем критика полностью переключилась на обсуждение нравственно-этических проблем, поднятых в рассказе.

В диссертации раскрываются социально-нравственные и этические проблемы рассказа «Изгородь». Писатель эти проблемы раскрывает через такие ступени бытия как усталость, сон и смерть. Он не противопоставляет их друг другу. Писатель мастерски показал тот промежуток времени состояния сна-смерти, когда перед нами проходит жизнь главного героя.

Странная смесь сна и смерти овладевают Каалга, его стоянкой и окружающей природой. В описании предсмертного состояния героя используются мотивы скуки – «серый день, серые никчемные мысли», неподвижности и беспомощности – «каждое движение, будто гору переваливает», «не смог шевельнуться, не слушаются руки и ноги», волки как будто наслаждались «его беспомощностью», остановки, истощенности – «беспомощно блеют заиндевшие, сторбившиеся валухи-первогодки», тесноты – «глубокое ущелье», «равнинка-поляна с ладонь», «теснящие скалы, сыпучие корумняки, с овчинку небо», «избушечка в одно окошечко, покрывая толью, без сеней, без юрты, ... без коновязи», «не кошара, а навес, недопокрытый бурьяном», «изгородь вкрявь и вкось» и т.д. Ощущение тесноты и «изгороди» имеет скрытый смысл:

«Изгородь Катунь – берет. Изгородь долины – горы. Горы огораживают небо. А вот что огораживает небо – а ведь у него должна быть изгородь?»

У человека изгородь – жизнь. Жизнь огораживает время. А что огораживает время? Ведь должно быть что-то?» Одним словом, как рассуждает сам автор: «Любая изгородь строится не зря, она к чему-то предназначена, что-то огораживает, охраняет»¹⁸.

В рассказе мотив утомления автором раскрывается как знак энергетического кризиса. Он приводит Каалга в состояние полужизни-полусмерти. Автор-повествователь связывает это с тем, что народ стал забывать свои обычаи и обряды, перестал верить в Хозяина Алтая. Поэтому он (Хозяин Алтая) не может, не в состоянии поддержать свое

¹⁸ Каинчин Д.Б. Изгородь/Д.Б. Каинчин//Мир Алтая-Алтай телекей.-Горно-Алтайск,-2002., №1-2.-С.173. Далее примеры из текста указываются [С.].

дтия. Писатель мастерски показывает состояние близкого к смерти человека, чудом сохраняющего маленькие искры жизни: Каалга «всё собирался встать... Встать... И, оказывается, не заметил, как заплел его сон. Ведь не из железа человек. Хотя, железный был бы, давно истёрся бы... Лучше бы не просыпаться...» [С.185].

Каалга – это слишком сильно усталый, ослабевший, больной, потерявший веру человек. Д. Каинчиным подчеркивается бессознательно-равнодушное состояние героя, потерявшего всякий смысл и интерес к жизни, и, следовательно, источник энергетической подпитки – веру в Алтай. Каалга в предсмертные часы размышляет о вечности бытия, и остро начинает ощущать, что означает жизнь человеческая по сравнению с вечным миром: он противопоставляет себя этому миру: кто он, по сравнению с этим миром и приходит к выводу, что его жизнь не стоит даже «чернилки» на ногте?

Новое этико-эстетическое мышление автора в том, чтобы постичь переходное время (постперестроечное) во всех реальных связях и проявлениях, в жестоких и даже трагических по отношению к личности человека. Автор пересматривает те годы, которые были адаптированы к иным социально-нравственным нормам действительности.

Сложность композиции рассказа исходит, прежде всего, из тематического плана. Автор одновременно поднимает три важнейшие темы: семейно-бытовую, социальную и морально-философскую. При этом рассказ внутренне целен и содержит идеологический стержень, вокруг которого разворачивается основной материал. Этим основным стержнем является проблема, глубоко волновавшая Д. Каинчина, а именно: как жить в новой обстановке, создавшейся после перестройки 80-х годов прошлого века.

Через размышления умирающего героя автор приводит читателя к мысли о том, что Каалга – «Хозяин» этой жизни. Герой осознает это только перед смертью: «Стало быть, это он, оказывается, был хозяином жизни... От него питались все и люди, и животные, одевались, это он был коноязыю, это вокруг него все вращались» (выделено нами).

Смелость художественного решения рассказа «Изгородь»/«Чеден» заключается в том, что писатель нарушает прежнюю этическую традицию, которая покоилась на нравственно-оптимистической формуле: человек сильнее обстоятельств. Улавливая дух переходного времени, Д. Каинчин фиксирует иную, спорящую с ней традицию, отраженную формулой с противоположным знаком: человек слабее обстоятельств.

Автор сохраняет, свойственные состоянию сна-смерти, непоследовательность и смутность, что мастерски выражает преодоление бега времени, его невластность над духовным феноменом.

Способ изображения всех оттенков народной жизни и включения природы в человеческий мир прослеживается в образе-символе Священной Лиственницы в рассказе «На перевале»/«Баш болзын» («Сохрани нас...», 1994, 2002). Названный образ-символ

послужил отправной точкой в развитии сюжета и композиции произведения. Эпиграфом к рассказу является народное предание, ориентирующее читателя на эстетическую и мировоззренческую сущность произведения. Содержание предания послужило основой для создания совершенно нового рассказа.

Автором раскрывается социально-нравственное многообразие этой земли. Повествование начинается с описания возвращения героя по имени Таркраш домой. И вот он на вершине перевала. Ему уже пятьдесят лет. Автор ставит героя в такую ситуацию, когда он встает перед выбором: продолжать жить как прежде, только ради себя или задуматься о будущем Алтая, беречь природу. Внимание привлекает образ большой Священной Лиственницы. Дерево отождествляется по образу и подобию человека, который выдержал все удары судьбы, но ещё крепок и мужественно выдержит и другие трудности. В рассказе старая лиственница является местом поклонения алтайцев. Она и «Страж» и «Ворота» Алтая.. Структурообразующий образ Священной Лиственницы не только пронизывает все повествование, но и выражает национальные традиции алтайцев и мировоззренческую позицию самого автора. После «общения» с ней всегда «становилось легче, увереннее, открывался впереди просвет, отдушина». Она – хранительница прошлого, традиций, через неё проходили все этапы человеческой жизни. Это образ-символ аила-дома, спокойствия, тех сил, что питают человеческую душу.

Священная Лиственница вносит в движение сюжета рассказа фантастичность и таинственность. План реального, конкретного, с одной стороны, и мистического, с другой, просматривается в рассказе на всем протяжении. Он создается в произведении сразу в эпиграфе к рассказу, затем в реальном мире. Элементы мифологической фантастики в сюжетную ткань рассказа писателем вводятся сознательно. Происходит слияние двух планов: реальный человек встречается с конкретным выражением мистического, сверхъестественного начала. Через диалог трактора и дерева автор выражает мысль: поверженное дерево – предупреждение о гибели Алтая. Таркраш соучастник покушения на дерево. Но в отличие от Шурьгина, героя рассказа «Крепкий мужик» В. Шукшина, Таркраш «пересилил, перешагнул порог от черного к светлому», но было поздно: «Стало ясно, что Таркраш бессилен! Не он хозяин!».

Отрицательная семантика образа врага вылилась в образе-символе трактора – страшной бездушной железной машины, олицетворяющей строительство социализма в истории нашей малой родины. Это аллегорический символ, образ-знак смерти. В рассказе ярко выражены бинарные оппозиции через противопоставление вечной борьбы добра и зла, черного и белого, жизни и смерти. Писатель ведет разговор о духовном дефиците в современном обществе, о потере нравственности. Современное общество может «погибнуть» от действий самим же им порожденного.

Мотив срубленного или упавшего дерева – из числа тех, к которым писатель неоднократно возвращается. Предупреждения о судьбе всего Алтая и его народа звучат в таких рассказах автора как «Дочь тайги черневой»/«Аба жышпын балазы», «Изгородь»/«Чеден».

Произведение «Дочь тайги черневой» (1994) отличается композиционной сложностью и остротой поставленной проблематики. В нем писателем допускается усечение сюжета, нарушение повествовательной логики (когда автор внезапно перескакивает от одного эпизода или персонажа к другому, с одного места действия на другое и т.п.): действие вначале разворачивается в городе, затем путем ретроспекции автор переносит нас в то в сельскую местность, то обратно в город.

Автор уделяет определенное место теме города, которая в его творчестве является новой и служит ярким выражением «перестроечного» времени. Бесчеловечность городского пейзажа, городской жизни порождает отчужденность людей. Облик города выстраивается в один смысловой ряд с фигурами людей, чертами человеческого лица. Он такой же безликий, как молодой милиционер («должностное лицо») и другие персонажи, которые проходят мимо лежащей старушки.

Организация художественного времени и пространства, перестановки во времени обеспечивают способность неподвижной Моронот погружаться в собственные мысли. Автор уводит мысли героини далеко от насущной сиюминутности и реального общения с прохожими, которые упорно старались не замечать старушку. Такой уход в себя, способность побывать в мыслях у себя на малой родине, открывают истинные причины трагедии Моронот.

Вертикальное пространство, на улице города сжимаясь до уровня ног прохожих, в ретроспекции расширяется до уровня всего Алтая. В городе Моронот чувствует тяжесть быта, подавленность от вечных забот и нехватки денег. Жестокому и душному городу в рассказе противопоставляются картины природы, где царит гармония, отсутствуют искусственно установленные морали. Природа дышит естественной жизнью, независимой от человека. Представляет интерес и название рассказа «Аба жышпын балазы» - «Дочь тайги черневой», которое указывает на адресную направленность происхождения героя и его пол.

Таким образом, писатель выражает социально-нравственные проблемы и актуальные суждения, касающиеся бедственного положения родного народа, проживающего в северных районах Алтая. Уже в названии рассказа писатель делает акцент на одиночество героини: «аба жышпын балазы». «Бала» (в ед.ч.) - «дитя», «аба жышпын балазы» – указывает на принадлежность месту рождения. Следовательно, название рассказа можно ещё перевести и как «Дитя тайги черневой». В содержании

произведения, в его языке и стиле ярко проявляются социальные взгляды прозаика, идеи, доминировавшие в обществе второй половины XX века.

В образе героини отражена личная драма, возникшая из-за оторванности от природы, от своих корней, потребительского отношения людей к естественному миру и отрицательное воздействие этого обстоятельства. Судьба отдельной личности, остро ощутившей разрыв человеческих связей, одиночество и беспомощность постепенно превращается из отдельного эпизода в сюжетно-композиционное явление, что подтверждается рассказом.

В контексте развития данной мысли относительно этнического обозначения Д. Каинчиным используется полифония, через который выражается авторская позиция о судьбе народа. В анализируемом рассказе, он оперирует лексемами «аижи»-«человека», «улус»-«плоти», «албаты», «ол», «јон», «ол-јон», «албаты-јон», «калык», «калык-јон»-«народ». Последние выражают более объемное по значению слово – нация.

В рассматриваемых произведениях в развитии сюжета и композиции особую роль играет мотив движения. Представление о движении в художественном тексте тесно связано с пространственно-временными характеристиками того мира, который конструируется автором в произведении.

Д. Каинчин лексему «путь»-«јол» вводит и в название текстов. Например: «Дорога отцов»/«Адалар јоль», «Как едзющий на Мухортом Каака побывал у Суркашей»/«Калпар атту Кааканын Суркаш эшке јүргени», «Поездка домой Тита Тырышкина – красноармейца по имени «Горный Барс»/«Тит Тырышкиннин јангань», «Как Болот в космос летал»/«Оочы сөккү Болоттын Айлапкышка учуп јүргени» и др. Оно является и основным мотивом в произведениях «Пусть глазам моим покажутся горы»/«Көстөрмө туулар көрүнзин», «На перевале»/«Баш болзын» и других рассказов.

Символика пути в названных произведениях стала главенствующей. Она обеспечивает в художественном мире этих рассказов и повестей не только семантику самопознания, самоопределения, но и возможности духовного преображения и возрождения национальных традиций родного народа. Существенно, что одной из основных тем его творчества является тема его родного села, которая раскрывается автором, мастерски используя приемы ретроспекции. Писатель, таким образом, производит в своих произведениях прием «перепутывания» пространства и времени. Специфика хронотопа в полной мере отражена в структурной организации текстов прозаика.

В рассказе «Как едзющий на Мухортом Каака побывал у Суркашей»/«Калпар атту Кааканын Суркаш эшке јүргени» в воспоминаниях старика Каака меняются картины

природы, времена года, события жизни. Путь, начавшийся с маленькой избушечки до Суркаша, оказался длиною в целую жизнь. При этом пространство событий в воспоминаниях героя расширяется как аил-дом (изба-юрта) – деревня и до всего Алтая.

В некоторых произведениях для замедления развития сюжета Д. Каинчин использует такие композиционные приемы, как введение в прозаический текст песен, стихов («Изгородь», «Дочь тайги черневой», «Поездка домой Тита Тырышкина – красноармейца по имени «Горный Барс» и другие), документов («Лунная соната», «Любовь коммуниста Гомзина», «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова»).

В художественно-эстетическом отношении данные приемы сыграли положительную роль. Это подтверждается содержательным материалом самих рассматриваемых произведений. В песнях Каалга («Изгородь»), «Моронот («Дочь тайги черневой»), Шабурак и Тита Тырышкина («Поездка домой Тита Тырышкина – красноармейца по имени «Горный Барс») авторские монологи и диалоги участвующих в них эпизодических персонажей передается в виде ярких размышлений о жизни, судьбе народа.

Кратко касаясь композиционных и художественно изобразительных средств рассмотренных произведений, прежде всего, отметим, что песни, как сюжетные элементы, не только передают беспокойный и полный тревоги внутренний мир героев, но и выражают настроение всего народа. Автор, хорошо знает приемы поэтики народного стиха. Это видно не только по языку и повествовательным особенностям текстов песен, но и по его способности улавливать тончайшие нюансы, связанные с психологическим состоянием персонажей.

Выделяя разнообразие сюжетных пластов в произведениях прозаика, мы выделяем прием вопросы, касающиеся «символики» художественной речи Д. Каинчина. Известно, что каждая литература имеет собственную систему образов, символов, отражающих национальное своеобразие, специфику культуры народа, являясь знаковыми для ее представителей. Сохраняя во всех своих вариациях смысловое единство, символ позволяет обнаружить его составную природу и сами эти составные части. Компоненты символа укореняются в разных местах произведений писателя («Талкан», «Изгородь», «Дочь тайги черневой», «Пепел звезд» и т.д.).

Это относится, прежде всего, созданию слова-символа «зерно», которое дается уже в названии рассказа. Талкан – национальная еда из жареного зерна ячменя или пшеницы. Отправной точкой развития сюжета является сон главного героя, где фигурирует зерно (ячмень). Ключевым словом проходит оно (*зерно, ячмень, семя*) через весь рассказ и завершает эту цепочку воспоминаний о драгоценном зерне ячменя миф о Богине Умай-

Эне. Автор устами матери Сабу рассказывает маленькому мальчику великую тайну природы, тайну материнства – рождение нового человека.

Генетические корни слова-символа «зерно» («семя») мы находим в древнейшем мифе алтайцев о тайне рождения человека, о хранилище детей, воинов и животных – богине торкских народов мира Умай-Эне. Слово-символ «зерно», «семя», «градинка» – как лейтмотив рождения ребенка есть и в повести «Пепел звезд».

В выборе слов и выражений Д. Каинчин опирается на исключительное знание народного языка. В частности, в повести «Пепел звезд» мы встречаем такие слова, поговорки, пословицы и выражения как «Зерно – из семени, человек – из детства», «Живи среди народа. В густом лесу и трухлявое дерево долго стоит», «Не плкой на человека – попадешь в себя», «Не садись возле порога, там место раба», «Себя не возноси выше горы, других не принижай ниже подстилки» и т.д.

В рассказах Д. Каинчина изначальный интерес вызывает внутреннее состояние главных героев, представленные через «внутренние монологи» и «диалоги». Они (монологи) являются и существенной гранью человеческой жизни (Моронот «Дочь тайги черневой»), Шабурак и Тит («Поездка домой Тита Тырышкина...»), Ак-Күн и Ойгорул («Пепел звезд»). Эпическое произведение организуется принадлежащим повествователю-рассказчику монологом, к которому «подключаются» диалоги изображаемых лиц: чекист-рассказчик («Лунная соната»), автор-повествователь и Мызыл («Пусть глаза моим покажутся горы») и т.д.

Разнообразен и широк круг словесно-художественных средств, которые позволяют отобразить внутренний мир человека. Здесь и традиционные обозначения того, что испытывает герой (думает, чувствует, хочет) и развернутые: порой аналитические характеристики автором того, что творится в душе персонажа («Пусть глазам моим покажутся горы», «Сказитель», «Лунная соната»), и несобственно-прямая речь, в котором голоса героя и повествующего слиты воедино («Поездка домой Тита Тырышкина»), внутренние монологи, и задушевные беседы персонажей («Адалар жол»), и, наконец, изображение сновидений и галлюцинаций («Дочь тайги черневой», «Талкан», «Изгородь», «На перевале» и т.д.), которые выявляют бессознательное в человеке, его подсознание – то, что прячется в глубинах психики.

В художественном мире писателя отношение человека к Мирозданию реализовано в поэтическом строе произведений. В них встречаются древние торкские имена, реальные фигуры истории торков, упоминающихся в самых разных ситуациях. Особенно насыщена мифологическими образами и народной поэтикой повесть «Пепел звезд». Большое число исчезнувших в литературе и в жизни тем, оборотов и выражений приняло

форму наставлений и нравучений. Они явились средством приведения в соответствие этического, этического и нравственного действия с окружением прозаика.

Художественный принцип контрастного изображения предстает одной из доминантных черт стилового рисунка произведения. Антитеза и контрасты проявляется иногда с первых же строк. В данном случае стержнем являются взаимоотношения в алтайской (тюркской) семье, национальный менталитет, религиозное мировосприятие народа, выражая богатство родного языка и вековую мудрость народа.

«Вот тридцать лет они вместе. Стали почти одним: как река и приток, казан и очаг, как седло и потник, как нож и ножны».

«Огонь и Вода. В жизни нет ничего важнее и сильнее их. Огонь – жжет, Вода – гасит. Они, как враги, и не могут быть вместе. Такие же противоположности: Черное и Белое, Хорошее и Плохое, Свет и Тьма. Но при этом, конец Хорошего – начало Плохого, окончание Светлого – начало Тьмы» («Пепел звезд», выделено нами – У.Т.).

Отмечается отражение философии света в и алтайском героическом эпосе, где имена главных героев напрямую связаны с небесными светилами Ай/«Луна», Күн/«Солнце», Ылдыс/«Звезда» и т.д. Образы, излучающие свет в алтайской литературе широко используются для описания национальных атрибутов, характеров и красоты природы и т.д. Тяготение к космическим образам (Небо (Тенери, Тенгри), Луна, Солнце, Звезды) выражают эпитеты, сравнения, метафоры, ассоциации в художественном языке произведений прозаика. Автор устами одного из главных героев рассуждает о единстве человека с природой, познании законов природы и бытия, которое определяют свойства, присущие древнему человеку. Так Д. Каинчин пытается постигнуть тайну вселенной, окружающего мира, что доступно лишь мудрецам и философам, проникающим в тайны мироздания.

Автор в произведениях удачно использует и динамичный мотив огня, контраст предметов, пространственных характеристик, контраст в портретном противопоставлении героев и т.д. Художественный принцип контраста цветового, пространственно-временного, контраста спокойствия и динамики, разума и безрассудства, сравнения играет важнейшую роль в изображении национальной картины мира в прозе писателя.

Таким образом, неповторимая творческая манера и яркая индивидуальность Д.Б. Каинчина, выраженная в самобытности стиля и языка писателя, в своеобразии философско-эстетических воззрений и созданной им национальной картины мира, отражают сложность бытия и духовный мир алтайцев.

В Заключение подводятся итоги и намечаются дальнейшие перспективы исследования. Основные выводы диссертации сводятся к следующему:

1. Творчество Д.Б. Каинчина является важным вкладом в современную алтайскую литературу. Его произведения имеют устойчивый интерес, многократно выходят в свет в печатном и электронном виде, используются в составлении учебных пособий, активно изучаются в средних и высших общеобразовательных учреждениях, привлекают научный интерес литературоведов, лингвистов, культурологов и др.

2. Произведения Д.Б. Каинчина имеют некоторые особенности, связанные с историей создания произведений, мировоззрением автора. Пространство Алтая, его природа, историческая судьба алтайского народа наложили свой отпечаток на формирование смыслового топоса в произведениях писателя. Он создал свою неповторимую национально-художественную картину мира.

3. Исследование специфики создания национальной картины мира, влияния национальных традиций в творчестве писателя позволяет увидеть развитие алтайской прозы второй половины XX века в её связях с традициями и обычаями народа, национальным фольклором в становлении сохранения самобытности как *своего* и *чужого*. Традиционное мировоззрение и философия алтайцев, окружающая природа являются основным условием формирования нравственных ориентиров в характере человека, его поведения в обществе. Они служат выражению особенного национального колорита и являются одной из примечательных сторон алтайской литературы.

4. Сочетание реалистического и мифического начал, социального пафоса и внутренних переживаний героев, вовлечение в сюжет фольклорно-мифологических мотивов, трактовка художественных образов в русле традиционного народного этикета и иные указанные в работе свойства, их гармоничная свойственность друг с другом обуславливают своеобразие языка и стиля произведений Д. Каинчина.

5. Произведения Д.Б. Каинчина отличаются глубиной психологических характеристик, конкретных и точных, с предельной убедительностью детерминирующих поведение героев. Удачно применяемые сочетания, сплав художественности с публицистичностью определяет тематику и проблематику произведений писателя: их популярность во второй половине XX и начала XXI века.

6. В ходе исследования национальной картины мира в прозе Д.Б. Каинчина диссертантом намечены определенные задачи для продолжения исследовательской работы в данном направлении. Предметом будущих научных изысканий будут служить публицистика и поэтика переводных произведений писателя.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущих рецензируемых журналах ВАК:

1. Текенова У.Н. Мифопоэтика рассказа Д. Каинчина/У.Н. Текенова//Человек и филология. Научный журнал-Барнаул, 2008 (в производстве).
2. Текенова У.Н. Образы-символы в рассказе Дибаша Каинчина «На перевале»/У.Н. Текенова//Мир науки, образования и культуры: Международный научно-периодический журнал. – Горно-Алтайск, 2008.-№ 3 (10) - С.66-69.

В различных научных журналах и сборниках и других изданиях:

3. Текенова У.Н. Отгын коручылдары/У.Н. Текенова//Педагогический вестник-Горно-Алтайск, 2003. – №7. – С.26-32.
4. Текенова У.Н. Л.В. Кокышевтин поэзиясында чечектин романтикалык сур-кебери/У.Н. Текенова//Алтай телекей - Мир Алтая.-Горно-Алтайск, 2006. – № 2- С. 48-52.
5. Текенова У.Н. Методы и приемы анализа художественного текста в старших классах (Обобщение педагогического опыта)/У.Н. Текенова.-Горно-Алтайск, ИПКРОРА, 2007.-102с.
6. Текенова У.Н. Проблемное изучение творчества С.С. Суразакова в 10 классе/У.Н. Текенова//Алтай телекей-Мир Алтая.-Горно-Алтайск, 2007. - №4 –С.79-83.
7. Текенова У.Н. Изучение творчества С.С. Суразакова школе/У.Н. Текенова// Сборник докладов и статей по итогам научно-практической конференции «Развитие алтайской филологии»-Горно-Алтайск, 2007. – С.78-84.
8. Текенова У.Н. Борис Укачинин чумделгезинде эне кижинин сур-кебери/У.Н. Текенова//Эпилиер.-Горно-Алтайск, 2007. №7 (2) – С. 22-24.
9. Текенова У.Н. Себиде жайылган чечекти сананып/У.Н. Текенова//Алтайдын Чолмоны.-Горно-Алтайск, 2006. – № 96.
10. Текенова У.Н. Юретим сенин толкунда калтай/У.Н. Текенова//Алтайдын Чолмоны.-Горно-Алтайск, 2007.-№№217-219
11. Текенова У.Н. Калабыстын туукизи бичиичилер чумдемелинде/У.Н. Текенова //Алтайдын Чолмоны.-Горно-Алтайск, 2007. – №№16-18.
12. Текенова У.Н. Мифопоэтические образы в рассказе Дибаша Каинчина «Баш болзын»/У.Н. Текенова// Межвузовский сборник научных статей: «Литературное наследие. Фольклор. Текстология». Выпуск IV. – Уфа, 2008.
13. Текенова У.Н. «Литературный портрет Д.Б. Каинчина»/У.Н. Текенова// История алтайской литературы (на алт. яз.).-Горно-Алтайск, 2008. - (в производстве).